

Борис Евсеев — известный русский писатель. В последнее время он выпустил ряд ярких повестей и рассказов, признанных и читателями, и критикой, отмеченных отечественными и зарубежными литературными премиями. Евсеев печатается в таких известных журналах, как «Дружба народов», «Континент», «Новый мир», «Москва», «Смена», «Литературная учёба», «Выход» (Эстония), «Новый журнал» (США), у нас — в «Литературной России», в «Литературной газете» и многих других изданиях. Только что в журнале «Дружба народов» (№№ 11 — 12, 2002) вышел сокращённый вариант его романа «Отречённые гимны». Даже беглое прочтение этого варианта сразу выводит текст за рамки привычных, набивших в последние годы оскомину романских построений. И хотя премии никогда не определяли судьбы романов в России — нашим читателям, наверное, небезынтересно будет узнать, что роман уже в журнальном варианте выдвинут на премию имени Аполлона Григорьева. Недавно мы об этом романе, да и вообще о нынешних литературных делах и событиях попытались с Борисом Евсеевым побеседовать.

Борис ЕВСЕЕВ

ЧАСТИЙНЫЙ СУД, или РОМАН О ДУШЕ

— В сегодняшнем книжно-журнальном мире очень легко заблудиться. Литературный процесс — измучился, раздробился, распался. Вместо материка литературы всё какие-то острова и хутора, полисы и мегаполисы! А целостности — нет, ясной картины — нет. Так что же у нас получается? Литература есть, а процесса нет? Или, наоборот, не стало настоящей литературы, а всё ещё длится имитация литературного процесса? Что вообще происходит? Вы можете дать по возможности сжатую характеристику современного литературного процесса? Ну а заодно и указать своё место в нынешней жизни.

— Ещё несколько лет назад состояние отечественной литературы вполне можно было бы охарактеризовать как череду пауз, как выжидание и хаос, как отработку периферийных тем, после постановки не слишком крупных задач. Но если посмотреть к началу нынешнего столетия и последним годам столетия прошлого, то говорить о хаосе и выжидании уже не приходится. Было бы заманчиво согласиться с вашим, отчасти верным, утверждением: идёт имитация литературного процесса! И всё-таки это не так. Трудности понимания процесса не означают, что его нет вовсе. Природно-стихийный процесс развития художественного слова идёт, и никакого абсурда в нынешней литературной ситуации я не вижу. Та бездна абсурда, в которую пытались столкнуть нас ненавистники Большой Русской Литературы, уже позади.

Хотя 90-е годы и были, если говорить военным языком, штурмом крепости, стоящей на краю пропасти. Кто и что штурмовал? Крепость нашего классического пути в литературе, крепость русского реализма, штурмовали то ли лишившиеся рассудка люди, то ли и вовсе бесы. Правду о жизни пытались заменить то колупаниями в пупке, то постмодернистской мозаикой. Однако сама жизнь — а вовсе не Союзы писателей, не наши доблестные критики — воспротивилась этому! И поэтому современную литературную ситуацию можно сжато охарактеризовать как возвращение к правдоискательству, то есть к классическому русскому пути в литературе, правда, уже на новом витке эволюции. Виток этот характеризуется стремительным и плодотворным расширением берегов реализма, без размывания, однако, его основного русла. Это расширение вызывает очень разные толкования. А разные толкования — порождают раскол. Однако тот раскол в литературных партиях, который существует, вовсе не означает, что в литературе происходит что-то катастрофическое.

Раскол — катастрофа не для литературы, а для чиновников. К этому писателям-секретарям консервативного толка пора бы и привыкнуть, а не кричать на всех улах: «Русскую литературу уничтожили!» Потому что моих книг не печатают! Конечно, продолжают и негативные процессы. Начались они не сегодня, начались с середины 80-х и даже раньше. Ну а связаны они были, как вы хорошо знаете, с событиями политическими. Эти процессы были разнонаправленными. С одной стороны, шёл продуктивный процесс отмирания и отпадения позднесекретарского соцарта, а с другой — происходил негативный процесс навязывания русской литературе не свойственных ей течений, оформляемых в не свойственной ей стилистике. Те, кто пытался заниматься моделированием современного литературного процесса, а таковые, увы, были, знали своё дело крепко. Они подкинули нам несколько сотен «грантов» костей, расставили манки в виде вроде бы «независимых» литературных премий, часто даваемых не за конкретные вещи, а вообще «за творчество», то есть произвольно распланировали «забугорные» загончики для литераторов и расчертили дорожки к ним. От этого много в нашей лирике приобрело очертания продуманного хаоса. Всё, как пи-

сал Лев Николаевич, «смешалось в доме Облонских!». Писатели поскакали получать премии, поёрли скопом за границу и забыли о высоких литературных задачах, забыли об изначально высоком значении слова, забыли, что нужно ещё и ежедневно писать, и писать нечто новое, животрепещущее, а не только без конца переиздавать вынутые из сундучков и давно замшевые вещи!

Поэтому современную литературную ситуацию определяют те писатели, которые кровно связаны со своим временем, которые пишут о его бедах, радостях и пороках, которые живут не в «прекрасном капиталистическом будущем» и не в заскорузлом «совке», а живут здесь и теперь, да ещё и при обязательном условии, что они не заняты поисками обогащения через литературу или уничтожением её как таковой. Своё место в литературе я как раз и вижу среди тех, кто работает здесь и теперь, работает в первую очередь на великий русский язык (который и является русской идеей!), на свою страну, а уж потом на всё остальное.

— Вот вы упомянули о литературном расколе. Нужно ли нам преодолевать его? Или пусть всё идёт тем же путём, что и в последние 10 — 12 лет? Правые — справа, левые — слева... Тут я имею в виду и объединение союзов, и другие формы литературного житья-бытья.

— Преодолевать процессы отчуждения и раскола нужно стараться всегда, в любых ситуациях: литературных и общественно-политических. Другое дело — получается ли? А крайности — они только вредят всем не потерявшим совесть писателям. Вредят конкретным писателям, а не абстрактному партлитстроительству. Когда ударяются в крайности — литература теряет лицо. Оно искажается злобной гримасой сюминутной публицистики, гримасой базарных скандалов и склок. От союза литературного политиканства с литературным раскольничеством рождаются произведения, стоящие за гранью столбового пути литературы, а значит, работающие в конечном счёте на её уничтожение.

Да-да, я не оговорился. Литература как таковая может вскоре и вовсе уничтожиться! В этом нет преувеличения. И грубые войны между писателями именно к окончательному отходу читателя от литературы и подталкивают. А за гранью литературы — ничего хорошего нас не ждёт. За этой гранью — очень средние произведения, такие как «Господин Гексоген» или «Голубое сало», выдаваемые почему-то за шедевры. Как видите из этого примера, крайности вдруг сошлись. В поисках внелитературно-рекламного существования либерал-коммунистические литераторы обнялись и соединились. Как когда-то пролетарии! Наверное, у них даже и клич есть: «Постмодернисты всех стран, соединяйтесь!» Или, может, он звучит теперь по-другому: «Антилитераторы всех направлений, соединяйтесь!»

Ну а что касается объединения Союзов, то, не ратуя за идейное их объединение, хотелось бы, чтобы какие-то общественно значимые вещи они обсуждали и решали сообща. Хотя бы для того, чтобы не дать разворовать и продать за границу остатки писательской собственности, как это произошло уже с потерянной

для нас навсегда поликлиникой Литфонда, а теперь происходит и с самим Литфондом. Тем более, что из-за продажности и ангажированности нашей прессы (части её) в этой склоке и драке не ясно, кто прав — кто виноват. Ну а в результате — опять в России и за границей будут талдычить: у вас нет глубоких писателей, есть одни имитаторы литпроцесса и литературные хулиганы! И вот, вместо написания поэм и романов, нам навязали эту сомнительную борьбу с сомнительным исходом. Я не против борьбы! Но не за новые же дачи для новых победителей мне бороться! Не за то, чтобы кто-то украл и сам Литфонд!

— Раз уж вы обмолвились о романах, то скажите мне, пожалуйста: что это такое, современный русский роман? Могу я, к примеру, хоть отдалённо, сопоставить какой-нибудь из современных объёмных текстов с моим любимым «Тихим Доном»? Ну пусть не с «Тихим Доном», а хотя бы с какими-нибудь менее крупными романами конца XIX — начала и середины XX века?

— Новый русский роман, на мой взгляд, ещё только зарождается. Инерция пустопорожнего социалистического реализма, инерция, берущая начало в 30 — 50 годах XX века, была во многом продолжена и в годы 90-е. Причём продолжена не только замшелыми консерватизмами, но и многими шустрыми новаторами. Сейчас инерция своё движение окончила. Должно начаться что-то новое. И оно уже проклёвывается, но пока еле-еле. И если с «Тихим Доном» сравнивать новые ростки ещё трудновато, то с другими, достаточно высокими и этапными произведениями уже можно, даже и нужно сравнивать.

Романы (иногда — повести и рассказы) таких писателей, как Леонид Бежин, Леонид Бородин, Михаил Бутков, Алексей Варламов, Светлана Василенко, Лариса Ванеewa, Максим Гуреев, Андрей Волос, Андрей Дмитриев, Юрий Козлов, Владислав Отрошенко, Татьяна Толстая, Сергей Сибирцев, и других — уже несут в себе зерно не просто нового, а «новой» русского реализма.

К сожалению, в 1980 — 1990-е годы вместо так называемого «большого русского романа» у нас царствовал не совсем органичный для нас жанр, в англо-американской литературе обозначаемый как novel, имеющий размеры нашей повести, но намного сильнее «простёгнутый» сюжетом и гораздо менее поэтичный, чем она. То, что органично для Англии и Америки, не всегда органично для России. Novel не является романом в русском понимании этого слова. А вот «большой русский роман» — это самый продуктивный вид нашего романа. «Что за зверь такой, этот ваш большой русский роман?» — спросите вы. Это роман, который в первую очередь наследует панорамному и эпопейному роману Толстого и Достоевского. А в XX веке — Булгакову, Артёму Весёлову, Замятину, Леонову, Платонову, Солженицыну и некоторым другим.

Мои личные ожидания именно с возвращением панорамного, многоуровневого, сложносюжетного романа и связаны. И где же, — вы спросите, — взять читателя для такого романа? Да у нас же, в России! Уже несколько лет, выступая в университетах, в институтах и других местах, где

собирается интеллектуальная элита, слышишь вопрос: «Где настоящий русский роман? Страх как надоели все эти боевички и криминальные разборки на книжных страницах! Слюнявые любовные романы надоели!» Кстати, это неприятие говорит и о том, что роман не должен быть захвачен и оккупирован каким-нибудь одним утилитарным его видом! Роман должен произрастать широко и свободно, как русский лес, раскидываться вширь, как русская равнина. Он не должен быть ограничен никакими прилагательными! Будет то прилагательное «производственный», «криминальный» или «женский»!

А ещё из поездок и выступлений я вынес вот что: от нас ждут произведений, в которых была бы схвачена суть и соль именно нашей эпохи. Ждут произведений, персонажи которых стали бы не менее живы, чем живые люди. И помнились бы десятилетиями. Ждут такого гущения прозы, которое не сможет развевать ничто: ни войны, ни новые (и поверьте, не такие уж далёкие) революции, ни нищенская — для подавляющего большинства населения — российская жизнь.

Кстати, в нашем издательстве «Хроникёр» сейчас задумана новая романная серия. И отбор в неё мы ведем как раз по указанным критериям. Серия ещё не начата, а ею уже серьёзно заинтересовались на Западе. Там ведь тоже есть разные круги! Есть люди и издательства, которые внимательно, серьёзно и весьма доброжелательно следят за попытками возрождения великой, а не подведомственной (коммунистам или либералам — это всё равно!) русской литературы.

— А кто войдёт в эту серию? И будет ли она, как это теперь модно, иметь название?

— Название будет, но ни его, ни имён тех, кто составит серию, я называть не хочу, хотя основной круг претендентов — очерчен. А с некоторыми писателями мы уже ведем предварительные переговоры. Сейчас, на мой взгляд, собирается несколько произведений, которые могли бы и показать новизну русского романа, и наметить пути к его настоящему, а не имитационному возрождению. Здесь будут вещи и не очень известных писателей, но будут, конечно, и романы проверенных читателей и временем авторов. При этом хочу заметить: мы не пойдем по пути некоторых крупных российских издательств, когда берётся сюжетная заготовка и десятки литературных «негров» в две — три недели создают из этой заготовки законченную вещь! Такой путь — путь раннекапиталистической мануфактуры — нам не подходит. Мы приветствуем только те романы, у которых один автор, а не коллектив соавторов. И хотя подобный способ написания романов был в 90-е годы в основном характерен для боевиков и детективов, есть сведения: эта дурная болезнь начинает потихоньку захватывать и «серьёзную прозу».

Добавлю ещё следующее. Мы не «куём» и не раздуваем писателей, подобно тому как наддувалась ловкими цыганскими лошадьми деда Щукаря! Мы, опять же, не следуем примеру некоторых наших крупных издательств, которые в 90-е годы создали ряд литературных (теперь рассыпающихся!) имён-фантомов. Мы отбираем произведения. Если у произведения есть настоящий автор, он при достаточной публикующести в «толстых» журналах вырастет и сам, без искусственного осеменения. К сожалению, многие и в России, и за границей убеждены: ряд дутых фигур — и есть наши настоящие писатели. Ещё бы! Их ведь через каждые два часа рекомендует нам наше «литературочувствительное» телевидение. К счастью, это не соответствует действительности.

— Я ведь неспроста спросил вас о романе вообще. Я, конечно, не все романы читаю, может, что-то значимое и пропустил. Но вот, прочитав ваш роман, пока, правда, только журнальный вариант его, я вдруг ощутил привкус чего-то то ли небывалого, то ли давно и хорошо забытого. Бездна и вознесение как-то ужились в вашем романе! Авантюрные ходы — так мне показалось — неплохо сплелись с какими-то полустычами, полумолитвами. А сами вы роман ваш в ряду русских традиционных романов видите? Или он всё-таки слишком похож на многие другие, мелькнувшие перед нами в 1980 — 1990-е годы и скоро забывшиеся романы?

— Традиция не прерывается никогда, даже тогда, когда кажется, что какое-нибудь произведение возникло абсолютно на голом месте. Нет, это не так. Просто традиция не всегда достаточно видна, и не всегда писатели объявляют о том, что они какой-то традиции следуют. Мой роман «Отречённые гимны» — это типично русский роман, правда, с новыми стилистическими тенденциями, с новой сюжетосоче-

Evseev Борис

20.12.2002